

Первый закон:

Кровь и Железо
Прежде чем их повесить
Последний добог королей

Ужо Аберкромби

Прежде,
чем их
нобесят

ЭКСМО
Москва
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84-445(Вел)
А 14

Joe Abercrombie

Before They Are Hanged: First Law – Book Two
Copyright © 2008 by Joe Abercrombie
First published by Gollancz, London

Оформление серии *Сергея Шукина*

Школа перевода В. Баканова

Аберкромби Дж.

А 14 Прежде, чем их повесят / Джо Аберкромби ; [пер. с англ. О. Орловой, А. Андреева]. – М. : Эксмо, 2013. – 608 с. – (Черная Фэнтези).

ISBN 978-5-699-66005-6

Черные времена наступили в Срединных землях. Армия Союза терпит поражение за поражением от воинства самозваного короля Бетода. Заговоры и измены вносят смуту в умы людей. Странные убийства и похищения представителей власти ввергают в ужас аристократические верхи. Чтобы спасти Союз, верховный маг Байяз решается на опасное предприятие: он отправляется на край мира, ибо там хранится страшное магическое оружие, способное остановить зло. И конечно же, в этом ему помогает легендарный воин Логен Девятипалый по прозвищу Девять Смертей...

УДК 82(1-87)
ББК 84-445(Вел)

ISBN 978-5-699-66005-6

© О. Орлова, А. Андреев, перевод на русский язык, 2013
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Четырем читателям — вы знаете, кто вы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Мы должны прощать наших врагов,
но не прежде, чем их повесят.

Генрих Гейне

Великий уравнитель

Чертов туман. Застилает глаза, так что на несколько шагов вперед ничего не видно. Забивает уши, так что ничего не слышно, — а если и слышно, то непонятно, с какой стороны идет звук. Лезет в нос, так что ничего, кроме запахов влаги и сырости, не учуяешь. Чертов туман! Сущее наказание для разведчика.

Несколько дней назад они перебрались через Белую реку, с Севера в Англию. Во время перехода Ищейка сильно нервничал: как-никак они на чужой территории, да еще в разгар войны — чужой войны. Весь отряд был на взводе. За пределы Севера никто, кроме Тридуба, никогда не выезжал. Разве что Молчун, но он о своих странствиях не рассказывал.

Они миновали несколько сожженных ферм, мертвую деревню, большие квадратные постройки Союза. Всюду виднелись следы: конные, людские, — только самих людей не было. Ищейка знал, что Бетод поблизости, что его армия бродит вокруг в поисках жертв, трофеев, пропитания... И везде наверняка его лазутчики. Если Ищейка или кто другой из отряда попадет Бетоду в руки, то смерть пленника будет долгой, мучительной. Окровавленные кресты, насаженные на пики головы и прочие ужасы. Тьфу! Даже думать не хочется. Если их поймают союзные войска, то скорее всего тоже прикончат без размышлений. Не станут разбираться, кто они, пришельцы с Севера, друзья или враги. На войне как на войне, опасности на каждом шагу. От такой жизни любой нервным сделается, а Ищейка и в лучшие времена невозмутимостью не отличался.

Да еще треклятый туман вдобавок! Как соль на рану, если можно так сказать.

От долгого ползанья в сумраке у Ищейки пересохло в горле. Прислушиваясь к журчанию воды, он прордился через грязный кустарник к реке, опустился на колени в присыпанную прелыми листьями грязь — все равно уже увозился по уши, — зачерпнул влагу ладонями и начал жадно пить. Над рекой дул легкий ветерок, туман то наползал, то рассеивался. Тут-то Ищейка его и заметил...

Человек лежал прямо перед ним: ноги в воде, верхняя часть тела на берегу. Какое-то время оба остолбенело смотрели друг на друга. Из бока незнакомца торчала длинная палка. Сломанное копье.

Да это же труп!

Ищейка выплюнул воду и пополз обратно, внимательно оглядываясь по сторонам: нет ли засады, не прилетит ли нож в спину? Убитому было лет двадцать пять. Светлые волосы, на серых губах запекшаяся кровь. Утепленная куртка раздулась от воды. Такие носят под кольчугу — значит, солдат. Возможно, отстал от отряда. И попал под вражеское копье. Союзник как пить дать, хотя по виду мертвеца непонятно, из какой он армии. Все покойники похожи.

— Великий уравнитель... — задумчиво пробормотал себе под нос Ищейка.

Так горцы называли смерть. Великий уравнитель не делает разницы между названными и ничтожествами, южанами и северянами — все в конце концов попадают к нему в лапы, и со всеми он обходится одинаково.

Парня прикончили пару дней назад, не раньше. Выходит, убийца где-то рядом. Ищейка напрягся. Теперь казалось, что туман полон шорохов и звуков: то ли сотня карлов таится под покровом серой завесы, то ли река плещется о берег. Подходить к трупу он не стал — сразу нырнул в чашу и, перебегая от ствола к стволу, двинулся обратно. И чуть не споткнулся о присыпанное листвой тело. Мертвец лежал на спине, раскинув руки в стороны. Третий покойник стоял на коленях: лицом в грязь, задом кверху, — в боку

у него торчали две стрелы. Да уж, чего в смерти нет, так это достоинства. Ищейка прибавил ходу. Скорей бы добраться до ребят и рассказать об увиденном. Скорей бы уйти от трупов подальше.

Он повидал много покойников на своем веку, даже слишком много, однако их соседство было ему неприятно. Превратить человека в кусок мяса просто — он сам знал тысячу способов, — а обратно уже нельзя. Мертвого не воскресить. Вот только что стоит перед тобой человек, исполненный надежд, желаний, мыслей... Друзья у него есть, семья, родина... Миг — и он снова грязь. Ищейка вспомнил все свои драки, стычки, бои. Даже не верится, что он еще дышит. Повезло! Спасибо дуре-удаче. Правда, вряд ли везение продлится вечно.

Наплевав на осторожность, Ищейка почти бежал. Пробирался, спотыкаясь, сквозь туман, будто неопытный юнец, — не выжидая, не прислушиваясь, не принохиваясь. Названному вроде него, разведчику, исходившему Север вдоль и поперек, следовало быть осмотрительнее, да только тяжело держать все время ухо востро...

Он даже не понял, откуда пришла беда. Мощный удар в бок швырнул Ищейку на землю. Он вскочил, но его снова сбили с ног. Он боролся, однако неведомый враг был пугающе силен. Не успел Ищейка опомниться, как его уложили на обе лопатки в грязь, и винить за это следовало только себя. Себя, трупы и туман. Крепкие пальцы обхватили шею и начали сжиматься.

— Кхх... — извиваясь, прохрипел Ищейка.

Похоже, конец. Все надежды обратились в грязь. Пришел и за ним великий уравнитель...

Пальцы неожиданно ослабили хватку.

— Ищейка, — раздался над ухом голос, — ты, что ли?

— Кхх...

Противник выпустил горло. Ищейка жадно глотнул воздух. Сильная рука потянула его за куртку вверх.

— Твою мать, Ищейка! Я ведь мог тебя убить!

Теперь он узнал голос. Черный Доу. Черт бы его побрал! Ищейка и злился от того, что чуть не умер, и глупо радовался, что еще жив. Доу захочат — резко, хрипло, точно каркающий ворон.

— Ну как, очухался?

— Обычно со мной здороваются более любезно, — просипел Ищейка, с трудом втягивая воздух.

— Да ты, считай, везунчик. Я мог поздороваться и менее любезно. Я ведь принял тебя за Бетодова лазутчика. Думал, ты ушел в другом направлении, вверх по долине.

— Как видишь, нет, — хриплым шепотом отозвался он. — А где остальные?

— На холме, разведывают окрестности. Туда треклятый туман не поднялся.

Ищейка кивком указал в сторону, откуда пришел.

— Там трупы. Целая гора.

— Прямо гора? — уточнил Доу, будто сомневаясь, что Ищейка представляет, как выглядит гора трупов. — Ха!

— Гора, не гора — порядочно. По-моему, союзники. Видимо, была стычка.

Черный Доу снова захохотал.

— Стычка? По-твоему?

Что он хотел этим сказать, Ищейка не понял.

* * *

— Вот деръмо, — пробормотал он.

Они стояли на холме, все пятеро. Туман рассеялся. О чем Ищейка почти жалел. Вот, значит, почему усмехался Доу... Мертвые тела усеивали всю долину: лежали на высоких склонах, торчали из-за камней, темнели среди кустов. Словно высыпанные из мешка гвозди, изувеченные мертвецы в неестественных позах валялись в зеленой низине, на бурой грунтовой дороге; целая гора трупов высилась на берегу реки. Из-под клочьев уползающего тумана постепенно появлялись руки, ноги, сломанное оружие, искореженные доспехи. Куда ни глянь — всюду убитые: жертвы стрел, мечей, секир. От тела к телу, хрипло перекрикиваясь, прыгали вороны. У них нынче настояще пиршество. Давно Ищейка не видел таких масштабных сражений... Вид поля боя пробудил в нем горькие воспоминания. Кошмарные воспоминания.

— Вот деръмо, — повторил он.

Других слов на ум не приходило.

— Думаю, союзники шли вверх по этой дороге, — хмуря брови, проговорил Тридуба. — Наверное, торопились. Надеялись застать Бетода врасплох.

— Разведка у них, похоже, никудышная, — пророкотал Тул Дуру. — Похоже, это Бетод застал их врасплох.

— А может, стоял туман, — предположил Ищейка. — Как сегодня.

Тридуба пожал плечами.

— Возможно. В это время года туман — обычное дело. Как бы то ни было, усталые после долгого дневного перехода солдаты колонной шагали по дороге. Бетод обрушился на них с этого холма и с того гребня. Сначала пустил лучников, чтобы разогнать строй, затем со склонов с ревом посыпались карлы. Думаю, союзники быстро сломались.

— Еще как! — хмыкнул Доу.

— И тогда началась резня. Их рассеяли по дороге и приперли к реке. Бежать особо некуда. Некоторые скидывали доспехи, некоторые пытались переплыть реку в полном снаряжении, сбивались в группки, лезли по головам друг друга, а вокруг сыпались стрелы. Возможно, кому-то удалось добраться до того леса, но вряд ли они спаслись. Бетод всегда держал наготове конницу — смести крошки после пиршества.

— Вот деръмо, — процедил Ищейка.

Его тошнило. Он как-то побывал в шкуре проигравших, и воспоминания остались не самые приятные.

— Ювелирная работа, — сказал Тридуба. — Надо отдать Бетоду должное, свое дело он знает, как никто другой.

— Что, вождь, значит, конец? — спросил Ищейка. — Победа за Бетодом?

Тот медленно покачал головой.

— Южан хватает и за пределами этих краев. Большинство живет за морем. Говорят, их так много, что не сосчитать. Больше, чем на Севере деревьев. И со временем они сюда подтянутся. Это только начало.

Ищейка обвел взглядом сырую долину, скрюченных и распластанных на земле мертвцев, груды бездыханных тел. Корм для стервятников.

— Для них уже конец.

Доу свернулся языком трубочкой и нарочито шумно плонул.

— Согнали и перерезали... как стадо баранов. Тридуба, хочешь умереть так же, а? Хочешь к ним примкнуть? Гори он огнем, этот Союз! Южане ни черта не знают о войне и воевать не умеют!

Тридуба кивнул.

— Придется их научить.

* * *

У ворот давилась огромная толпа: худющие, голодного вида женщины, обворванные, чумазые ребятишки и мужчины разных возрастов — одни горбились под тяжелой поклажей на спине, другие цепко сжимали в руках пожитки. У некоторых были мулы, некоторые толкали телеги с каким-то бесполезным барахлом. Деревянные стулья, оловянная посуда, сельскохозяйственные инструменты... У многих вообще ничего не было — кроме горя и страданий. Вот уж чего, подумалось Ищейке, хватало на всех.

Беженцы со своим хламом перекрыли дорогу намертво, воздух содрогался от жалоб и проклятий. Ищейка чуял густой, точно суп, запах страха. Все искали спасения от Бетода.

Люди толкались, лезли без очереди, выпихивали соседей; то тут, то там кто-то падал в грязь. К воротам рвались отчаянно, словно к материинской груди. Тем не менее сама толпа ни на шаг не сдвинулась. Впереди, над головами стоящих, поблескивали наконечники копий, то и дело раздавались грубые окрики — беженцев не пускали в город солдаты.

Склонившись к Тридуба, Ищейка прошептал:

— Похоже, они и своих-то не горят желанием принимать. Думашь, нас, чужаков, пустят?

— Мы им нужны, это факт. Вот поговорим, и все станет ясно. Или у тебя есть соображения поудачней?

— Ага... Вернуться домой и вообще в это дело не соваться, — пробурчал он себе под нос, но тем не менее послушно двинулся за Тридуба в толпу.

Южане таращились на них во все глаза. Ищейка, заметив изумленно глядящую на него девочку с потрепанной котомкой в руках, попытался улыбнуться. Однако он так давно ни с кем не общался, кроме суровых воинов и мечей, что улыбка вышла не самая дружелюбная, и девочка с визгом бросилась прочь. Их вид напугал не только ее — вся толпа молчаливо и настороженно расступалась перед северянами, хотя оружия Тридуба и Ищейка с собой не взяли.

До ворот они добрались спокойно, лишь несколько раз пришлось толкнуть особо нерасторопных. Вход в город перекрывала шеренга солдат, похожих друг на друга, как братья-близнецы: двенадцать человек, с головы до пят закованных в начищенную до блеска броню, у всех лица скрыты под шлемами, все неподвижны, как металлические колонны. Столь тяжелых доспехов Ищейка еще не видывал. Интересно, как драться с такими в случае чего? Стрелой не пробить. Да и от меча не много пользы, если только не повезет попасть в место соединения пластин.

— Разве что клевцом или чем-то в этом роде...

— Что? — прошипел Тридуба.

— Ничего.

Странные все-таки у Союза представления о войне! Если бы сражения выигрывали блеском лат, то от Бетода уже остались бы рожки да ножки. Жаль, что в жизни все не так просто...

Между стражниками за маленьkim столиком с бумагами сидел командир. В своей ярко-красной куртке он выглядел еще удивительнее подчиненных. Глупо команандиру в такое рядиться, мысленно усмехнулся Ищейка. Его же издалека стрелой снять — раз плюнуть. Да и молод для подобной работы: борода только пробиваться начала. Тем не менее вид у парня был самодовольный.

С ним пререкался здоровяк в грязной куртке. Ищейка напряг слух, пытаясь разобрать местный говор.